

ЛАРС СВЕНДСЕН

ФИЛОСОФИЯ СТРАХА

Ларс Свендсен

Философия страха

«Прогресс-Традиция»

Свендсен Л.

Философия страха / Л. Свендсен — «Прогресс-Традиция»,

В своей книге «Философия страха» норвежский философ Ларс Свендсен утверждает, что страх проник всюду – он властвует и в частной жизни человека, и в жизни общества. СМИ, политики и организации, лоббирующие свои интересы, то и дело предостерегают нас от всевозможных опасностей и угроз, в результате чего многие наши действия подчинены страху. Автор исследует феномен страха, размышляет о том, почему он отталкивает и в то же время притягивает нас. Книга заставляет задуматься о последствиях эксплуатации страха в политике и бизнесе, а также о том, к чему может привести чрезмерная концентрация на опасностях, мнимо или реально присутствующих в повседневности. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

© Свендсен Л.

© Прогресс-Традиция

Содержание

Предисловие переводчика	5
Предисловие	7
Культура страха	9
Что такое страх?	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ларс Свендсен

Философия страха

Единственной страстью моей жизни был страх.
Томас Гоббс

Предисловие переводчика

«Вся наша жизнь пропитана страхом», – пишет философ Ларс Свендсен.

Как возникает страх? В чем проявляется? Какую функцию он выполняет? От чего зависит его появление и интенсивность? И наконец, как он влияет на нашу жизнь?

Литература всех времен и народов изобилует описаниями состояний страха, начиная от смутных покаявающих опасений до панического всепоглощающего ужаса: «закралась тревога», «неопределенный страх», «болезненно-мучительная тревога, перерождавшаяся даже в панический страх», «смотрел с тупым бессмысленным страхом», «страх опять охватил его всего, с ног до головы...», «страх как лед обложил его душу, замучил его, окоченил его...». Воображение читателя живо рисует эти картины, они знакомы и понятны каждому из нас, ведь страх испытывают все. Порой авторы, представляющие совершенно разные культуры, пишущие на разных языках, используют одинаковые, полностью совпадающие образы: побледнеть, онеметь, съежиться от страха, удушливый страх, «волосы зашевелились от страха», «дрожа от страха», и образы эти связаны с физиологическими процессами, которые происходят в организме человека, испытывающего страх. Сегодня нам многое известно о физиологии страха. Нам также известно, что появление страха сигнализирует о некоей угрозе, и его функция заключается в избегании этой угрозы, а также ситуаций, при которых она может возникнуть. Однако, хотя страх – явление общечеловеческое, мы все боимся разного и по-разному. Объединяет нас то, что боимся мы только тогда, когда существует угроза чему-то для нас *значимому*: здоровью, благополучию близких людей, карьере, потери материальных ценностей и др. С другой стороны, важно понимать, что люди боятся по-разному и самых разных вещей, поскольку то, что имеет значение для одного, другому может показаться пустяком. Кроме того, страх может предвосхищать угрозу. Пожилая женщина, убежденная в том, что все подростки – малолетние преступники, будет испытывать страх за собственную жизнь, увидев идущую навстречу компанию молодежи, хотя прямой угрозы для жизни в этой ситуации нет. Таким образом, даже появление, а также интенсивность «универсального» страха потерять жизнь может зависеть не от ситуации, в которой находится индивид, а от его *отношения* к этой ситуации. На то, каким будет это отношение, влияет множество факторов...

Во множестве факторов, воздействующих на человека, пытаются разобраться, в частности, культурологи, антропологи, социологи, физиологи и, конечно, представители различных направлений психологии, которая, как и многие другие науки, многим обязана философии – матери всех наук. Лишь чуть более ста пятидесяти лет назад психология начала обособливаться от философии, хотя, как пишет в своей книге «История психологии» профессор университета Осло Пер Саугстад, такие известные ученые, как РБ. Хегенхан, Зигмунд Кох и Томас Лихи, полагают, что «эмпирическая психология всегда была и остается до сих пор составной частью философии»¹. Сам профессор Саугстад, как и большинство психологов, относит создание научной эмпирической психологии ко второй половине XIX века. С тех пор психо-

¹ Пер. на русский Элеоноры Панкратовой. *Per Saugstad «Psykologiens historie – en innføring i moderne psykologi»*, Gyldendal Norsk Forlag, 1996, 2001, 2003.

логия бурно развивалась, и результаты этого развития сегодня используются в социальных, естественных и технических отраслях знаний.

В «Философии страха» Ларс Свендсен также обращается к достижениям психологической науки, описывая различные подходы к объяснению механизмов возникновения страха у людей (Глава 2: *Что такое страх?*). Однако данная работа не сводится к анализу страха исключительно с точки зрения психологии, имеющей свою задачу, а именно, изучение закономерностей функционирования психики человека. В «Философии страха» вопрос ставится шире, а упоминаемые психологические теории и исследования являются не более чем звеном в цепи аргументов, с помощью которых автор строит свою концепцию. В психологии страх определяется как эмоция, тем не менее автор предпочитает использовать слово «чувство», подчеркивая комплексность рассматриваемого феномена и имея в виду аффективную сферу личности вообще. Кроме того, страх, ставший «обусловленной культурой призмой, сквозь которую мы видим мир», действительно является сложным образованием и не уместается в понятие «эмоция». Поэтому в русском переводе слово «чувство», используемое автором, сохранено везде, кроме главы 2, где рассматриваются психологические теории эмоций и употребление слова «чувство» привело бы к терминологической двусмысленности. В остальном же его употребление вполне согласуется с целью данной книги – объединив важнейшие результаты научного знания, применить интегративный подход в описании и объяснении феноменов, возникающих в обществе, обнаружить тенденции его дальнейшего развития и ответить на главный вопрос: как страх влияет на нашу жизнь? Ведь в современном мире представляет интерес только такое исследование, которое помогает сделать выводы, имеющие значение для настоящего и будущего.

Наргис Шинкаренко

Предисловие

Эта книга есть результат дошедшего до предела раздражения, вызванного во мне неумеренным вторжением страха в нашу жизнь. Книги, написанные под влиянием раздражения, обычно отличаются полемичностью, и эта книга не исключение. Это вызов тенденции видеть всякое явление через призму страха. Парадоксом культуры страха является ее появление именно в то время, когда наша жизнь, судя по всему, стала безопаснее, чем была когда-либо в истории. Одним из важнейших моментов, заставляющих меня выступить против культуры страха, является уничтожение в таком обществе свободы, поэтому можно сказать, что критика, изложенная в этой книге, основана на принципах либерализма.

Может показаться странным, что, написав книгу о нашей жизни в культуре скуки, я пишу книгу о нашей жизни в культуре страха. Оба диагноза нашего современного общества, т. е. страх и скука, на первый взгляд могут показаться противоречащими друг другу. Возможно, мою точку зрения отражает песня группы «De Lillos» «Накрытый страхом с головой» (1997):

Если тебе казалось, что жизнь
Так скучна, так тиха,
То теперь ты устыдишься,
Накрытый страхом с головой.

Если человек «накрыт страхом с головой», он не скучает. Однако всякая жизнь имеет обе эти стороны. В стихотворении «*Dockery and Son*» (1963) Филипп Ларкин, по-видимому, выражает мнение, что оба эти чувства составляют человеческую жизнь: «*Life is first boredom, then fear*»².

Для всякого общества, и не в последнюю очередь для новейшего, характерно множество противоречивых устремлений и явлений. Два феномена, такие, как скука и страх, не только находятся в противоречии друг с другом, но также могут порождать друг друга. Страх – это не только то, от чего мы страдаем против воли, но также и то, чему мы добровольно подвергаем себя, спасаясь от скучной повседневности. Тема этой книги во многом перекликается с темой, обсуждавшейся в «*Философии зла*», где страх рассматривался как один из источников агрессии, направленной против других людей. Однако в «*Философии страха*» вопрос ставится шире, здесь я делаю попытку выявить сущность чувства страха, его роль в современной культуре и, не в последнюю очередь, показать, как оно используется в политике.

Книга состоит из семи глав. В главе 1 кратко описана «культура страха», т. е. причины того, что страх стал своего рода обусловленной культурой призмой, сквозь которую мы видим мир. Глава 2 – это попытка описать суть такого явления, как страх, используя категории нейробиологии, феноменологии и других отраслей знаний. В главе 3 я изучаю роль страха в «обществе риска» и демонстрирую среди прочего, что наши попытки свести риск к минимуму, во многом иррациональны. Глава 4 повествует о том факте, что зачастую мы сознательно ищем острых ощущений – к примеру, занимаясь экстремальным спортом и в развлечениях, – что само по себе парадоксально, ведь обычно мы стараемся избегать того, что внушает страх. В главе 5 рассмотрен феномен доверия, который сходит на нет в культуре страха, что, в свою очередь, приводит к усилению подверженности устрашению. Падение доверия в целом разрушает социальные связи, однако страх может оказывать интегрирующее воздействие. Эта интегрирующая функция страха является ключевой предпосылкой многих политических философий, таких, как философия Макиавелли и Гоббса, и в главе 6 я обращаюсь к изучению страха как

² См. перевод эпиграфов в конце книги после примечания.

основы политической философии, а также к использованию страха в политических целях, что имело место в «войне против терроризма», ведущейся в последние годы. Наконец, в заключительной главе рассматриваются возможности выхода из состояния запуганности, изменения этого гнетущего климата, в котором мы сейчас живем.

Также косвенно будет затронута тема страха или боязни смерти вообще, поскольку это весьма масштабная тема – так как она требует основательной систематизации наших представлений о смерти, – она не может подробно обсуждаться в данном контексте. Понятие об экзистенциальной тревоге будет рассмотрено также сжато¹. Возникает справедливый вопрос: зачем писать «философию страха», если не страх, а, скорее, тревога традиционно является предметом философских рассуждений? Тогда как экзистенциальной тревоге приписываются серьезные метафизические импликации, страх представляется совершенно тривиальной величиной. Тревога «глубока», а страх «мелок». Как сказал Роланд Барт, страх – «чувство заурядное и недостойное»². Страх, однако, сегодня имеет большие культурные и политические последствия, чем тревога. К тому же гораздо удобнее не таскать за собой «метафизическую поклажу», связанную с понятием «экзистенциальная тревога».

Выражаю благодарность Анне Гранберг, Хельге Йордхейм, Ингрид Санде Ларсен, Томасу Севениусу Нильсену, Эрику Торстенсену, Ингрид Угельвик и Кнуту Улаву Омосу за ряд конструктивных замечаний. Все допущенные ошибки и недочеты, разумеется, лежат целиком и полностью на моей совести.

Ларс Свендсен

Осло, июнь 2007

Культура страха

*Quite an experience, to live in fear, isn't it?
That's what it is to be a slave.**

Републикант Рой Бати, Бегущий по лезвию (1982)

*Oh, Baby, here comes the fear again.
The end is near again**.*

Pulp: "The Fear", This is Hardcore (1998)

Прохождение через систему контроля в аэропорту стало настоящим испытанием. Неужели всего несколько лет назад можно было просто вынуть из карманов мелочь, ключи и пройти через детектор? Я много путешествую, бывает, что улетаю и возвращаюсь в тот же день, в этом случае мой багаж состоит только из пары книг и сумки с бумагами. Однако при мне всегда есть один предмет, который расценивается как источник опасности, – зажигалка. Поэтому каждый раз я должен вынимать ее из кармана, упаковывать в прозрачный пластиковый пакет, отдельно пропускать через просвечивание, и лишь затем я могу снова достать ее из пакета и положить обратно в карман. Если речь идет о длительных поездках, в которые необходимо брать зубную пасту, дезодорант и шампунь, то все, что в широком смысле можно причислить к категории «жидкость», должно быть упаковано в прозрачный пластиковый пакет объемом не более литра, а отдельная емкость не должна превышать 100 граммов. Если у вас есть наполовину наполненный флакон шампуня емкостью 150 граммов, надо предъявить его службе безопасности. И разумеется, можно забыть о том, чтобы взять с собой бутылку воды или вина.

Эти новые правила были введены после того, как осенью 2006 года в Лондоне были раскрыты планы взрыва самолетов с использованием жидких взрывчатых веществ. Другими словами, правила, ежегодно ограничивающие свободу миллионов пассажиров, введены по причине террористической атаки, которая *не* была осуществлена. Тем не менее пассажиры без особых протестов принимают эти ограничения своей свободы. Страх перед терроризмом здесь является своего рода козырем, перед которым пасуют все остальные соображения.

Это всего лишь один пример того, как страх влияет на наше поведение и поступки. Похоже, он проник всюду, в том смысле, что на сегодняшний день едва ли существует какая-либо область общественной жизни, где не принимаются в расчет соображения безопасности. Чувство страха управляет общественным сознанием, и многие социологи считают, что современному обществу лучше всего подходит определение «культура страха»³. Страх превратился в обусловленную культурой призму, сквозь которую мы смотрим на мир.

В «*Tractatus logico-philosophicus*» (1921) Людвиг Витгенштейн пишет: «Мир счастливого, не таков, как мир несчастного»⁴. Несколько перефразировав формулировку Витгенштейна, можно сказать: мир уверенного не таков, как мир запуганного. Жан-Поль Сартр подчеркивает: ощущение полностью меняет мир⁵. Уверенный живет в надежном мире – слово «надежный», по-норвежски «trygg», образовано от древненорвежского «tryggr», что означает «верный, надежный, беззаботный», – в то время как неуверенный живет в мире, который в любой момент может обратиться против, а почва может в любой момент уйти из-под ног. Можно сказать, жить стало страшно. Опасность подстерегает повсюду: на темных улицах и за входной дверью, с чужими и с близкими людьми, таится как в природе, так и в технологиях, внутри организма и во внешних воздействиях. Кажется, что больше не осталось ничего по-настоящему надежного.

Мы боимся столкнуться с внешними силами, которые идут вразрез с нашими устремлениями. Мы боимся потерять то, что для нас важно – свободу, достоинство, здоровье, социальное положение – или в конечном счете потерять жизнь. Мы боимся не только за себя, но и за

тех, кто нам дорог. Если что-нибудь из вышеназванного находится под угрозой, то страх является нормальной реакцией. Мы должны защищать себя от такого рода угроз. Ведь человеческая жизнь *уязвима*. Как пишет Монтень, «человек уязвим и поэтому больше склонен бояться и избегать, чем к чему-либо стремиться»⁶. Таким образом, в страхе проявляется нечто основополагающее, и едва ли случайно, что именно чувство страха первым упоминается в *Библии*: когда Адам вкусил от дерева познания и увидел свою наготу, он испугался прежде, чем устыдился⁷. Мы приходим в мир голые и безоружные, и пребываем в этом – относительно большинства животных – беззащитном с точки зрения телесной организации состоянии всю оставшуюся жизнь. Кроме того, наш мир по многим причинам устроен так, что разрушение и страдание воплощаются проще, чем противоположное.

Тем не менее, оптимальность такого отношения к человеческой жизни далеко не бесспорна. Осмелюсь утверждать, что воображаемый риск или одержимость мыслью о возможном риске является большей опасностью, нежели все существующие риски⁸. Суть моей точки зрения заключается не в том, что мы живем в безопасном мире. Например, совершенно очевидно, что глобальное потепление может иметь весьма драматичные последствия для жизни на нашей планете. В большинстве крупных городов необходимо избегать определенных мест в темное время суток, так как велика опасность подвергнуться нападению. Надо смотреть по сторонам, прежде чем переходить на другую сторону улицы. Существует множество явлений, которых нам следует опасаться. Проблема заключается в том, что мы в столь значительной степени склонны воспринимать *все*, руководствуясь страхом.

Если мы проанализируем a-tekst – электронную базу данных газет, то обнаружим серьезное увеличение количества упоминаний слова «страх» за десять лет – от 3331 в 1996 году до 5883 в 2006-м⁹. Очевидным объяснением этой тенденции на первый взгляд кажется террористическая атака 11 сентября, однако любопытно, что увеличение началось задолго до этого нападения. Таким образом, мы можем утверждать, что террористическая атака не только спровоцировала рост уровня запуганности-запугивания, но также и вписалась в уже существующую модель, а количество упоминаний продолжает расти вплоть до сегодняшнего дня. Мы видим подобную тенденцию и в отношении близких по смыслу слов, таких, как, например, «риск», упоминание которого возросло от 2060 в 1996 году до 4731 в 2006-м, т. е. за десять лет более чем в два раза. Эти числа говорят о том, что СМИ постоянно напоминают нам о том, насколько «опасен» мир, – и, кроме того, о том, как мы его боимся. Это ни в коей мере не является чисто норвежским феноменом. Британские газеты позволяют построить еще более выразительную кривую роста, от 2037 упоминаний «опасно» (*at risk*) в 1994 году до 18 003 в 2000-м¹⁰.

Похожая картина появляется во многих других исследованиях. К примеру, в 2005 году Норстат проводил для компании «Siemens» – производителя и поставщика охранного оборудования – исследование: 1000 норвежцев опрашивали, чтобы выяснить, возрос ли у людей за последние годы страх попасть в разного рода неприятности. Результаты были таковы: 51 % опрошенных говорили о том, что стали больше бояться разбойного нападения, 47 % – попасть в автомобильную аварию, 36 % – стать жертвой террористического акта, 26 % стали больше опасаться пожара и 19 % – стихийных бедствий¹¹. Стоит отметить, что больший, по сравнению с мужчинами, рост тревожности наблюдался у женщин.

Мы считаем, что земля, воздух и вода загрязняются все сильнее, что преступность неуклонно растет, что еда по большей части состоит из вредных для здоровья добавок и инсектицидов и т. д. Мы убеждены, что всевозможные опасности подстерегают нас на каждом шагу, они становятся все многочисленней и ужасней. В одном из исследований людей просили оценить степень риска 90 потенциальных источников опасности, от занятия бегом и использования косметики до терроризма и вакцин, и только 25 источников стали казаться менее опасными, в то время как в 62 случаях оценка опасности возросла, причем в 13 из них – в

значительной степени¹². Практически любой аналитик, занимающийся факторами риска, подтвердит, что потенциальная опасность большинства предложенных в исследовании предметов, явлений и ситуаций, напротив, существенно уменьшилась. Результаты исследования тем не менее не лгут – вопреки всему большинство людей склонны считать, что сегодня мы подвергаемся большей опасности, чем раньше, а в будущем станет только хуже¹³.

Страх заразителен. Стоит кому-то испугаться чего-либо, как сразу беспокойство распространяется вокруг на других, и те, в свою очередь, передают страх дальше. Это происходит даже в том случае, когда страх изначально не имеет рационального обоснования¹⁴. Тот факт, что многие испытывают страх в отношении некоего явления, не является гарантией того, что это явление действительно представляет опасность.

Запуганное сознание даже вошло в моду, недаром появляются такие обороты, как «*Paranoid Chic*»¹⁵. Пуленепробиваемая одежда, сшитая по последнему слову моды, тоже, вероятно, имеет все шансы на успех¹⁶. В музее современного искусства в Нью-Йорке зимой 2005/06 года проходила выставка «*Safe: Design Takes on Risk*», где все возможные объекты, которые, тем или иным образом защищают нас, были преподнесены как произведения искусства дизайна. В каталоге выставки это формулируется так: «Сегодня простая потребность в защите преобразовалась в сложный мир, который мы именуем модой»¹⁷. Куратор выставки, определяя страх как источник творческого вдохновения, пишет: «Индустрия безопасности находится в непрерывном развитии, особенно это касается повседневной жизни, ведь – поскольку случиться может все что угодно – творческие и коммерческие возможности, которые открывает дизайн, безграничны»¹⁸. Мораль выставки такова: «Отличный дизайн в сочетании с чуткими инстинктами – вот наша самая лучшая гарантия достижения безопасного, более сносного мира»¹⁹. Страх повлиял и на архитектуру, ведь одной из важнейших функций возводящихся зданий стала защита людей от угрозы «извне»²⁰.

Кажется, мы одержимы всеми мыслимыми опасностями. Мы не просто испытываем страх; опасность также может служить неплохим развлечением. Как, например, сериал «*So you think you're safe*», британского телевидения. Это сериал об опасностях, таящихся в повседневной жизни, и обо всех тех несчастьях, которые могут постигнуть современного человека в течение самого обычного дня. Это идеальная передача для продвинутого параноика. Для параноика, не чуждого самоиронии, рекомендуется книга «*I'm afraid, you're afraid*: 448 things to fear and why (2000)», представляющая собой своего рода мини-энциклопедию опасностей повседневности²¹. В последние годы вышло множество книг, повествующих о том, что глобальная катастрофа уже стоит у дверей. Среди наиболее популярных можно выделить «*Collapse: how societies choose to fail or succeed*» (2004) Джареда Даймонда, «*The long emergency: surviving the end of oil, climate change, and other converging catastrophes of the twenty-first century*» (2005) Джеймса Говарда Канслера и «*The winds of change: climate, weather, and the destruction of civilizations*» (2006) Юджина Линдена²². Кроме того, существуют пособия, обучающие действиям, необходимым в условиях разразившейся катастрофы, – «*When technology fails: a manual for self-reliance and planetary survival*» (2000) Мэтью Стайна и «*Crisis preparedness handbook: a complete guide to home storage and physical survival*» (2002) Джека А. Спигарелли²³. Такие книги наталкивают на мысль о том, что апокалипсис не за горами.

Страх также является немаловажным инструментом, используемым властью, политическими партиями и различными союзами и объединениями. Если старая идеология потеряла свою прежнюю силу, страх становится одним из самых эффективных средств воздействия в политических дискуссиях. Страх готовит сознание к восприятию определенной информации, его можно использовать против оппонентов, утверждая опасность их намерений. Тогда дебаты

зачастую превращаются в обсуждение того, какой опасностью надо озаботиться в первую очередь.

Такие политические деятели существуют в идеальном симбиозе со средствами массовой информацией, которые, вне всякого сомнения, используют запугивание, чтобы продать газету или привлечь зрителей к экрану телевизора, – именно поэтому новости часто напоминают конкурс страшных историй. Индустрия развлечений тоже включилась в эту кампанию. Фильмы-катастрофы снова популярны. Фильм *«Послезавтра»* (2004) был с одобрением встречен экологами-активистами, ведь он содержал «правильный» посыл, и это несмотря на то, что с научной точки зрения в фильме было допущено максимальное количество ошибок в том, что касается глобального потепления, за исключением совершенно очевидного факта, что существует серьезная экологическая проблема.

В книге о природных катаклизмах *«Enden er ПОг»* (*Конец близок*) (2006) геолог Хенрик Свенсен пишет:

*Если мы заглянем в будущее, то поймем, что стихийных бедствий станет только больше. Изменения климата, спровоцированные человеком, и глобальное потепление приведут к более сильным погодным колебаниям. Ураганы могут стать более свирепыми, оползни – более частыми, наводнения – более разрушительными и периоды засухи – более длительными*²⁴.

В приведенном отрывке утверждается то, что природные катаклизмы *могут стать* хуже, и то, что они *станут* хуже, однако между этими высказываниями целая пропасть, ведь одно из них предполагает гипотетическую возможность реализации чего-либо, а другое выражает уверенность в реализации чего-либо. Возможность переходит в реальность, и до тех пор, пока находишься в сфере возможности, все катастрофы находятся в пределах досягаемости.

Сейчас многие факты говорят о том, что мы действительно должны беспокоиться по поводу изменения климата, однако этого не скажешь о бесконечном множестве угроз, которые ежедневно предлагаются нам в новостях. Опасным можно изобразить все что угодно, достаточно предоставлять соответствующую одностороннюю информацию²⁵. СМИ по большей части не проверяют информацию, идущую от идеалистических организаций, даже несмотря на то, что те, вне всякого сомнения, занимаются саморекламой и зачастую их информация далека от объективности²⁶. Разумеется, не каждого человека просто так, без всякой причины, напугают страсти, которые пропагандируются различными объединениями и союзами, однако многие люди безоговорочно принимают утверждения, нуждающиеся в более серьезном обосновании.

Наиболее характерно представление *потенциальных* рисков как *актуальных* угроз. Жизнь полна потенциальных рисков. Кто-то может толкнуть вас под трамвай, вам на голову может упасть метеорит, террорист может захватить самолет, на котором вы летите, однако руководствоваться этими соображениями в повседневной жизни – едва ли хорошая идея. Большинство потенциальных рисков никогда не станут актуальными.

Во все времена люди чего-то боялись, но объект страха постоянно меняется. Сегодня в той части света, где мы живем, не многие страшатся вечной гибели, однако все больше тех, кто боится рака, терроризма и экологической катастрофы. Новое британское исследование показало, что 50 % 11-летних британцев зачастую по ночам лишаются сна, поскольку испытывают беспокойство из-за изменений климата²⁷. Когда я был маленьким, ядерная угроза была главным источником страха апокалипсиса. Я отношусь к последнему – по крайней мере, последнему на сегодняшний день – поколению, которое выросло, безоговорочно веря в то, что существует реальная опасность надвигающейся ядерной войны, в результате которой человечество может погибнуть. Выражение «ядерная зима» было составляющей нашего представления о будущем мира. В 1983 году более половины всех британских подростков были уверены, что увидят начало ядерной войны²⁸. Угроза применения ядерного оружия остается, в известной

степени, частью сегодняшнего понятия о глобальной угрозе, однако в сознании большинства людей она уже не является тотальной, пусть даже некоторые весьма обеспокоены возможностью использования ядерного оружия террористами²⁹. Скорее, ядерное оружие стало единицей более широкого арсенала, представляющего собой не только ракеты дальнего действия, но и компактные бомбы, умещающиеся в кофре. Страшно представить, что маленький пластиковый пакет может разорваться и выпустить сарин в вагоне метро³⁰ или что бактерии сибирской язвы могут быть отправлены в обычном конверте. Вопрос в том, какую роль мы позволим этому страху играть в нашей жизни.

«Террорист» – это на сегодняшний день, вероятно, самый устрашающий образ. Терроризм, разумеется, не является неким принципиально новым явлением, однако он как нельзя лучше подстроился под глобализирующийся мир, в котором ничего не стоит вызвать страх. В глобализирующемся мире терроризм может нанести удар где угодно, поэтому сложно вообще определить какое-либо место как безопасное. Кажется, всякое место на планете, даже такое отдаленное, как Норвегия, не защищено от этой угрозы. Опрос, проведенный весной 2006 года после разразившегося скандала, связанного с карикатурами на пророка Мухаммеда, выявил, что 17 % опрошенных норвежцев в возрасте от 18 до 74 лет боялись стать жертвой атаки террористов. Это число соответствует приблизительно половине миллиона норвежцев, этот результат удвоился по сравнению с предыдущим годом³¹. Тем не менее вероятность быть убитым при террористической атаке остается ничтожно малой, к этому я еще вернусь в главе 6.

Если рассматривать ситуацию на планете в целом, то в последнее время заметны некоторые улучшения с той точки зрения, что количество гражданских войн, случаев геноцида и нарушений прав человека стало меньше³². Всякая статистика подтверждает, что в особенности западное общество, в котором мы живем, является самым надежным из когда-либо существовавших: здесь кроется меньше опасностей и наши возможности с ними справиться значительно шире, чем когда-либо. В действительности надо жить в практически тепличных условиях, чтобы испытывать страх в отношении всяческих потенциальных опасностей, которые могут обрушиться на голову. Все начинается с того, что мы пугаемся раз затем другой, но при достаточном количестве повторов и растущем распространении на различные явления, страх постепенно может стать основой жизненной позиции. В культуре, для которой характерна социальная дезинтеграция, страх присущ всем, он является общей для всех исходной точкой в отношении к жизни. Страх стал основной чертой нашей культуры в целом. Как пишет британский социолог Франк Фуреди: «В западном обществе влияние культуры страха становится все сильнее. Отличительной чертой этой культуры является убежденность в том, что людям противостоят могущественные, разрушительные силы, несущие в себе угрозу нашей повседневной жизни»³³. «Конец близок», это систематически утверждается, идет ли речь о неуправляемой генной инженерии или же о птичьей grippe. Кроме того, преувеличивается важность всевозможных других, не столь значимых опасностей, которые, по сути, касаются абсолютно всех аспектов жизни человека.

Страх, без сомнения, является одним из важнейших инструментов продаж на рынке массмедиа, и его коммерческая ценность растет день ото дня³⁴. СМИ стараются запугать нас так, чтобы градус страха был неадекватно высок по отношению к его реальному источнику. Они забрасывают нас сообщениями о смертоносных вирусах, террористах, учителях-педофилах, зверствующим подросткам, экологических катастрофах и ядовитой еде. Значение СМИ так велико, что едва ли можно считать опасность или катастрофу «реальными», пока они не были освещены в СМИ. Влияние телевизионных программ действительно носит запугивающий характер. Люди, которые проводят много времени перед телевизором, больше, чем другие, склонны считать свой район небезопасным, верят в то, что преступность неуклонно растет, а сами они находятся в опасности³⁵.

Политика СМИ является одной из важнейших причин расцвета культуры страха, однако в то же время очевидно, что такая культура не могла бы развиваться, не будь мы восприимчивы к этой политике. Люди по природе своей весьма уязвимые создания. Мы приходим в мир, который не можем держать под контролем, словно обреченные на пожизненное экзистенциальное неведение. Тем не менее наш страх все меньше и меньше основывается на личном опыте. Много ли среди нас тех, кто подвергался атаке террористов, уличному насилию, серьезно заболел, употребив в пищу продукты, содержащие добавки, или подхватив новый вирус? Ответ таков: это касается меньшинства. Большинство из нас доживают до 70–80 лет и умирают от старости, не испытав на себе ничего из вышеперечисленного. Наша жизнь достаточно безопасна для того, чтобы мы получили возможность обратить свое внимание на целый ряд потенциальных угроз, которые, судя по всему, не станут реальностью, пока мы живы.

Наш страх – это побочный эффект благополучия. Однако это, разумеется, не делает его менее реальным.

Что такое страх?

Dolendi modus, timendi non item.

(страдание имеет предел, страх безграничен)

Фрэнсис Бэкон. «О смутах и мятежах», Эссе (1625)

Причина эволюционирования страха совершенно очевидна: существо, не наделенное способностью бояться, просто-напросто имеет меньше шансов на выживание и размножение по сравнению с существом, которое этой способностью обладает. Ясно, что страх часто помогает нам. Он приводит нас в состояние готовности и, таким образом, выручает нас в случае возникновения опасности или же вообще предотвращает нежелательную ситуацию. Страх защищает нас не только от хищников и других опасностей, таящихся в природе, но также и от тех опасностей, которым мы могли бы подвергнуться по своей вине, например не глядя ринуться через улицу, по которой несутся машины. Страх помогает нам выжить. Однако страх также может быть дисфункциональным. Он становится таковым, когда существует несоответствие между силой страха и объектом, его вызвавшим, или когда страх заставляет нас «терять голову». Прежде чем углубляться в вопрос о том, как нам следует относиться к собственным страхам, мы должны в первую очередь разобраться в том, что же такое страх. Я рассмотрю различные аспекты страха, от нейрофизиологии до феноменологии, и остановлюсь на позиции, согласно которой страх во многом может быть определен как *привычка*, обусловленная культурой.

Чтобы ответить на вопрос «Что такое страх?», мы, вероятно, должны сначала ответить на вопрос, что такое чувство вообще. Это не так-то просто. Слово «чувство» может употребляться для обозначения множества самых разных явлений – начиная от боли, голода и жажды и заканчивая гордыней, завистью и любовью, т. е. от чистой физиологии до сложных переживаний. Мы видим, что первые из названных величин являются в большей степени «физическими», в то время как последние являются в большей степени «ментальными» величинами. В английском языке различают «feelings» и «emotions», где первое является обозначением более «физических» чувств, а «emotions» – чувств, в большей степени ментальных. Конечно, необходимо отметить, что довольно долго и жарко ведутся дискуссии как раз по поводу того, какие именно критерии различия следует устанавливать между «feelings» и «emotions», а также какие состояния следует относить в ту или другую категорию. Некоторые различают эти категории «чувств» и «эмоций» и в норвежском языке. Что касается меня, то я предпочитаю избегать употребления норвежского слова «эмоция» и поэтому буду придерживаться выражения «чувства»³

³ См. предисловие переводчика стр. 11–12.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.